

Азбука
PREMIUM
РУССКАЯ ПРОЗА

К Н И Г И

Аркадия и Георгия Вайнеров

в серии

«Азбука Premium. Русская проза»:

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

АРКАДИЙ И ГЕОРГИЙ ВАЙНЕРЫ

Лекарство против страха

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Лекарство против страха

Роман

Светлой памяти отца нашего посвящаем

— Меня зовут Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гюгенгейм.

— У вас красивое имя, — сказал он.

— Да. Но чаще меня называют Парацельсом. И я считаю это правильным, потому что в искусстве врачевания я уже давно превзошел великого латинянина Цельса.

— От каких болезней вы исцеляете? — спросил он, и в его прищуренных серо-зеленых глазах не было недоверия — хамского сомнения невежд, а светилось лишь искреннее любопытство.

— Я освобождаю от мук, ниспосланных человеку: водянки, проказы, лихорадки, подагры, от тяжких ран и болезни сердца...

— У вас есть помощники?

— Разум мой и опыт да сердце, скорбящее о страждущих в мире сем.

— Вы одиноки?

Я засмеялся:

— У меня нет детей, нет жены и друзей не осталось. Но разве все люди не со мной? Разве благодарность пациентов не согревает мне сердце? Разве ненависть завистников — лекарей ничтожных и корыстных аптекарей — не угнетает мою память? И сотни учеников разве не связали меня с тысячами неведомых людей благодатью моего учения?

— Вы богаты?

Я показал ему на стопку рукописей:

— Вот все мое богатство. Да старый конь на конюшне. И меч ржавый в ножнах. А сам я живу здесь в немощи, и кормит меня из дружбы и милости последний мой товарищ и ученик — цирюльник Андре Вендль.

— Но говорят, будто вы можете простой металл превратить в золото? Почему вы не обеспечите себя и не облагодетельствуете единственного своего друга Вендля?

— Я, Парацельс, — великий маг и алхимик, и при желании достопочтенный господин может легко разыскать людей, которые собственными глазами видели, как я вынимал из плазменной печи чистое золото. Но Господь сподобил меня великому знанию врачебной химии, и когда я получил в своем тигле лекарства, которые исцелили обреченных на смерть людей, я понял, что это знамение, ибо щепоть моего лекарства могла дать человеку больше, чем все золото мира. И тогда я дал обет не осквернять потной жадностью святой очаг мудрости и милосердия.

— А как вы сюда попали?

— Я вышел из своего дома на Платцле, перешел по подвесному мосту через Зальцах, дошел до Кайгассе и потерял на улице сознание. Очнулся я уже здесь, в гостинице «У белого коня»...

— Как вы себя чувствуете?

— Мой разум, чувства и душа совершенно бодры. Но у меня нет сил двигаться. Энтелехия — тайная жизненная сила, открытая и утвержденная мной, — неслышно покидает мое тело.

Вошел служитель, поставил на стол кружку сквашенного молока и печенье.

— Почему вы не принесли еды для моего гостя? — строго спросил я служителя, но гость торопливо сказал:

— Благодарю вас, не беспокойтесь, я недавно обедал. Да мне уже и собираться пора. Приятного аппетита, а я пойду, пожалуй.

— Счастливого вам пути. А как вас зовут?

— Станислав Тихонов.

— Приходите еще, нам найдется о чем поговорить.

— Спасибо. Могу я спросить, над чем вы работали последнее время?

Сначала мне не хотелось говорить. Но он не мог быть шпионом, у него лицо честного человека, любопытные, немного грустные глаза. И я сказал ему:

— Я создал лекарство против страха...

ГЛАВА 1

Тень и свет

«Стенограмма объяснения
участкового инспектора
капитана милиции *А. Ф. Позднякова*
в инспекции по личному составу
Главного управления внутренних дел Москвы

...Вопрос. Когда вы пришли в себя?

Ответ. В воскресенье утром.

Вопрос. Где именно?

Ответ. В медвытрезвителе № 3.

Вопрос. Сотрудникам медвытрезвителя сразу сообщили, кто вы такой?

Ответ. Нет, я назвал себя и место работы после того, как выяснилось, что у меня пропали пистолет и служебное удостоверение.

Вопрос. Почему?

Ответ. Не знаю, я плохо соображал, у меня сильно болела голова.

Вопрос. Могли вы потерять пистолет и служебное удостоверение по пути от стадиона до сквера, где вас подобрал в нетрезвом виде экипаж патрульной машины?

Ответ. Нет, нет, нет! Я не был в нетрезвом состоянии!

Вопрос. Вот заключение врача: «Сильная стадия опьянения с потерей ориентации во времени и пространстве...» Вы полагаете, что врач мог ошибиться?

Ответ. Не знаю! Пьяным я не был!

Вопрос. Хорошо, расскажите снова, как вы попали на стадион.

Ответ. В пятницу был финал Кубка, играли «Спартак» и «Торпедо». Я очень люблю футбол и хожу на все интересные матчи, а тут всю неделю дел было невпроворот, и я не успел купить билет. Надеялся достать около стадиона. Походил у касс, вижу — билетов совсем нет, а желающих толпы. Тут подходит ко мне какой-то гражданин и говорит: «Слушайте, у меня есть лишний билет, но я просто боюсь достать его из кармана: эти фанатики меня на части разнимут. Идите со мной, я вам у входа оторву билет, а деньги вы мне потом отдадите». Ладно, договорились. Оторвал он билет, объяснил, что товарищ не смог прийти; отдал я ему рубль. А жара стояла — больше тридцати градусов. Минут за пять до перерыва между таймами он мне говорит: «Посмотрите, пожалуйста, за моим местом, чтобы никто не сел, а я сбегая в буфет — пивца хлебнуть». Скоро он вернулся и принес мне бутылку пива и бутерброд с колбасой. Я его, конечно, поблагодарил, а он мне отвечает, что есть латинская поговорка — не могу вспомнить, как это он сказал, — и перевел: кто, мол, дал однажды, тот даст и дважды. Выпил я бутылку пива, поговорили мы маленько про футбол. И чувствую я, что совсем у меня жажда не прошла, а даже еще сильнее пить захотелось. Жарко невыносимо, голова начала кружиться, все перед глазами зелено и круги плывут. Хочу соседу сказать, что сомлел я на жаре, и голоса своего не слышу. Все заплясало в голове, и больше ничего не помню...

Вопрос. Пивная бутылка была закупорена или открыта?

Ответ. Не помню.

Вопрос. Открывали вы бутылку или нет?

Ответ. Не помню, не могу сейчас сказать.

Вопрос. Доводилось вам когда-нибудь ранее встречать этого человека?

Ответ. Нет, никогда.

Вопрос. Запомнили вы его?

Ответ. Плохо. Лет ему на вид около тридцати пяти.

Вопрос. Сможете отработать его портрет на фотороботе?

Ответ. Попробую, хотя не уверен. У меня до сих пор голова кружится.

Вопрос. В случае встречи с этим человеком беретесь ли вы с уверенностью опознать его?

Ответ. Думаю, что смогу.

Вопрос. Есть у вас какое-либо объяснение случившемуся?

Ответ. Нет, никак не могу я этого объяснить.

Вопрос. Вы понимаете, что если все в действительности было так, как вы рассказываете, значит вас хотели отравить?

Ответ. Не знаю, хотел ли он меня отравить, но я ведь всю правду рассказываю! Дочерью своей клянусь...»

...Я положил на стол стенограмму, а Шарапов поднял палец:

— Вот именно — отравить хотели! Почему?

Я пожал плечами:

— Можно ведь и по-другому спросить: зачем?

— Какая разница! — махнул рукой Шарапов.

— Разница существует, — усмехнулся я. — В «почему» есть момент законченности, вроде акта мести. А «зачем» — это только начало предстоящих событий.

— погоди философствовать. Лучше подумай как следует: тут есть над чем мозги поломать.

— Это уж точно. Но у меня бюллетень не закрыт, я еще болен.

— А тебе что, открывая бюллетень, мозги отключают? Я ведь тебе не работать, а думать пока велю!

— С вашего разрешения, товарищ генерал, я не хотел бы думать об этой истории...

Шарапов поднял очки на лоб, внимательно посмотрел на меня, медленно произнес:

— Не понял...

Я поерзал на стуле, потом собрался с духом:

— Ну как же не понимаете? Вы поручаете мне расследование по делу моего товарища...

— А ты что, знаешь Позднякова?

— Да нет, не знаю, сегодня первый раз его фамилию услышал. Но это не имеет значения: мы с ним все равно, так сказать, товарищи.

Генерал уселся поудобнее, сдвинул очки обратно на нос, прищурившись, внимательно посмотрел на меня:

— Говори, говори... Красиво излагаешь...

— А чего говорить? Вы же знаете, я никогда от дел не отказываюсь. Но там я жуликов на чистую воду вывожу, а тут мне надо будет устанавливать, не жулик ли мой коллега. И мне как-то не по себе...

Шарапов невыразительно, без интонации спросил:

— А отчего же тебе не по себе?

— Ну как отчего? Вы же знаете, что зелье это не только монаси приемлют! Скорее всего, выяснится, что Поздняков безо всякой отравы — по жаре-то такой — принял стопку-другую с пивцом и сомлел, а пистолет просто потерял. Позднякова — под суд, Тихонову — благодарность и репутацию соответствующую...

Шарапов покачал головой, благодушно сказал:

— Хороший ты человек, Тихонов. Во-первых, добрый: понимаешь, что со всяким в жизни может такое случиться. Во-вторых, порядочный: не хочешь своими руками товарища под суд отдавать. И конечно, бескорыстный: сам ты орден получил недавно, теперь другим хочешь дать отличиться. Ну а то, что Поздняков сейчас по уши в дерьме завяз, так ведь не ты его туда загнал. Ты вообще о нем раньше не слышал. Неясно только, сам он попал в дерьмо или его туда, не добив до смерти, бросили. Но это уж подробности. Стоит ли из-за этого трудиться, рисковать репутацией хорошего парня и верного товарища? Лучше пусть Поздняков сам урок извлечет, на стадион больше не ходит...

— Вас послушать, так это меня надо под суд отдать.

— Под суд я тебя не стал бы отдавать, поскольку и мне пришлось бы сесть на скамейку рядом. Потому что и я грешен, обо всем таком думал, о чем ты мне тут застенчиво ле-

петал. И должен тебе сказать, что мыслишки у нас с тобой весьма поганенькие...

— Почему?

— Потому что, если бы ты знал, что Поздняков говорит правду, ты бы с удовольствием занялся этим делом. А боишься ты, что Поздняков врет!

— Допустим.

— Тут и допускать нечего — все ясно. Боишься ты обматраться в этой истории и предпочел бы, чтобы это на мою долю досталось. Кадровики как-нибудь разберутся, я приму решение, а ты Позднякова раньше не знал и впредь не узнаешь... Правильно я говорю?

— Ну, вроде...

— Вот-вот. Только не учитываешь ты, что и я больше всего боюсь: Поздняков мог правды не сказать и начал выпутываться с помощью этой легенды; и оставить для себя хоть тень сомнения в подобном деле я не могу...

— А пролить свет на эту тень должен я?

— Да. Если Поздняков лжет, нам это надо знать, потому что его пребывание среди нас делается опасным. Ведь тогда он сам становится потенциальным преступником. Но если его история — правда, то мне это тем более надо знать наверняка: значит, мы имеем дело с исключительно дерзким негодяем, которого надо поскорее вытащить за ушко да на солнышко. Все ясно как день. Понял?

— Чего уж не понять. Почему только именно я должен?..

— Объяснять — долго получится. Так надо. Действуй!

«Инспекция по личному составу
Главного управления внутренних дел.

Протокол объяснения

по материалам о происшествии с участковым инспектором Поздняковым А. Ф. 19 сентября 197 года.

Гр-ка Желонкина Анна Васильевна, анкетные данные в деле имеются.

По существу заданных мне вопросов могу заявить следующее.

Поздняков Андрей Филиппович — мой муж. Мы состоим в зарегистрированном браке, от которого имеем дочь Дарью, двадцати лет. Взаимоотношения в семье нормальные. Алкоголем мой муж, Поздняков А. Ф., насколько мне известно, не злоупотребляет. Ничего о служебной деятельности мужа я не знаю, в быту он ведет себя нормально. О происшествии на стадионе мне известно со слов мужа, и добавить к сказанному им я ничего не могу. Никаких предположений о причинах происшедшего не имею.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Желонкина А. В.»

Я открыл личное дело инспектора Позднякова и взмахом картонной обложки будто отгородился от неприятного ощущения соглядатайства, которое мучило с того момента, как мое участие в расследовании было решено. Объяснить это чувство постороннему человеку вразумительными словами, понятно и четко я никогда не смог бы. А своим, тем, с кем я годами встречался в МУРе, в райотделах или отделениях милиции, ничего и объяснять не понадобилось бы, поскольку связаны мы пожизненно железной присягой товарищества, которое является для нас условием, профессиональной необходимостью нашей работы. Люди, которых я называю своими, очень разные — хорошие и неважные, щедрые и жадные, стоворчивые и склочные, умные и бестолковые. Но вместе с ними приходилось сидеть в засадах, брать вооруженных преступников, добывать из тайников клады жуликов ценностью больше зарплаты милиционера за весь срок его службы, а также необходимо было годами коротать обыденную тягомотину — дежурить, выезжать на происшествия, приходилось обращаться друг к другу, даже не будучи знакомыми, за тысячью важных служебных мелочей, и все это было бы невозможно без очень глубокого, порой даже неосознанного ощущения причастности к клану

людей, уполномоченных всем обществом защищать его от нечестности во всех ее формах, и это товарищество стояло и стоять будет на вере в безусловную честность каждого его участника.

Потому и было мне как-то муторно читать личное дело Позднякова, что вот эта самая вера в честность да и особый характер милицейской работы освобождают нас от необходимости говорить о себе или о своих делах больше, чем хотелось бы; хочешь — говори, не хочешь — никто тебе вопросов задавать не станет.

А сейчас от желания Позднякова ничего не зависело. Его не спрашивали, хочет ли он поделиться со мною подробностями своей биографии, а просто взяли его личное дело и дали капитану Тихонову для подробного ознакомления. И несокрушимой веры в честность Позднякова больше не существовало. Я должен был полностью восстановить эту веру, которая в отвлеченных ситуациях называется красиво — честью. Или превратить ее в прах.

Непосредственный начальник Позднякова Виталий Чигаренков оказался старым моим знакомым: десять лет назад мы вместе проходили учебные сборы в «милицейской академии», как называлась тогда школа подготовки в Ивантеевке. Десять долгих лет проработали мы в одной организации, но так велик город и столь хлопотные дела нас крутили все время, что увидеться нам ни разу не довелось.

И сейчас мне приятно было взглянуть на него, потому что годы словно обежали его стороной — внешне Чигаренков изменился совсем мало, разве что заматерел немного да на плечах вместо лейтенантских поблескивали новенькие майорские погоны, и я слегка позавидовал ему — и молодости, и служебным успехам.

Начинал он тоже сыщиком, но потом перешел в наружную службу. Кто-то рассказывал мне, что с розыском у него не клеилось из-за детской доверчивости и твердого представления, что все на свете должно происходить по порядку и по правилам.

Еще в первые дни работы его обмишулил вороватый мальчишка, подозреваемый в грабеже. Чигаренков предъявил на допросе воришке краденые часы «Победа», изъятые у его напарника. Парень сказал, что надо подумать. Поскольку крепких улик не было, отпустили его домой. На другой день он явился с паспортом на эти самые часы и гордо заявил, что они — его собственные: марка и номер сходятся. Потом уже выяснилось, что, когда Чигаренков отошел к телефону на соседнем столе, этот стервец успел подменить «Победу» со своей руки краденной.

Работал с тех пор Чигаренков в службе, но работой своей, похоже, был недоволен. Вспомнив несколько эпизодов из совместной нашей ивантеевской жизни, Чигаренков сказал грустно:

— Вашему брату сыщику хорошо — работа интересная, лихая и к тому же самостоятельная...

Я удивился:

— А чем твоя не самостоятельная? Ты же начальник!

— Я не про то, — сказал с досадой Чигаренков. — Вся моя самостоятельность уместается на одной странице инструкции об организации постовой и патрульной службы на подведомственной территории.

— Ну и что? Я помню, у тебя там записано, что ты не только можешь, но и «обязан проявлять творчество», разумную инициативу и... как это — во! — «развивать подобные качества у подчиненных».

— Обязан. — Чигаренков склонил голову с ровным, по ниточке, пробором. — Я много чего могу и обязан. Например, непрерывно управлять несущими службу нарядами, осуществлять необходимые маневры на участках с напряженной обстановкой, распорядиться транспортом, контактировать с народными дружинами и так далее.

— Но ведь это совсем немало и по-своему интересно, — сказал я. — И опять же руководящий состав...

— Так кто бы спорил! Интересно! — Чигаренков встал, прошелся по кабинету и сказал неожиданно: — Но я ведь сыщиком быть собирался. Понимаешь?